

ПРОБЛЕМЫ, СУЖДЕНИЯ

НА КОНЦЕРТЕ он получил записку. Коротенькую. Развернул, ожидая увидеть название песни, которую просят повторить, и прочел: «Вы — бог, а ваше исполнение — еще выше!»

Ну вот, Сережа Захаров уже и выше бога... И опять записки, цветы, девочки с букетами нетерпеливо переминаются, потом бегут по проходу, самые бойкие взбираются на сцену, протягивают для автографа его собственные, неизвестно где и как снятые фотонарточки...

Эстрадная слава — все же совершенно особое явление. Ни, скажем, трудовой славы или боевой, или даже спортивной, наиболее похожей, она не сродни. Поклонники — от слова «поклонение». Вспоминаю бушующий зал, читаю почту Захарова и думаю: мы, взрослые, относящиеся к эстраде в основном спокойно, недооцениваем, наверное, влияние такого вот Сережи на юное поколение...

Звезда Захарова взшла невероятно стремительно даже для эстрадного небосклона. Прошлой зимой — подумайте только! — он появился в телевизионной передаче «Артлото», и лицо его не было никому знакомо. Старые актеры любят повторять с печалью: для того, чтобы Шалапина могли услышать сто миллионов человек, он должен был бы прожить тысячу жизней. А сейчас это аудитория одного телевизионного вечера, переданного по Интервидению.

Наутро после «Артлото» Сергей проснулся знаменитым. Угрюмые мизантропы, невзлюбившие голубой экран и не слышавшие Захарова, — разъяснение для вас: представьте себе худого, высоченного юношу с крупными завитками черных кудрей, с прекрасными «бархатными» глазами, задорно-курносого, белозубого. Прибавьте голос — баритон. По мнению специалистов, замечательный: свободный, сильный, «ровного звучания во всех регистрах». По мнению неспециалистов, сиречь поклонников, — «как у Магомаева».

Весной в Москве при аншлагах проходят гастроли Ленинградского мюзик-холла, где работает Захаров, тут же решается вопрос о поездке Сергея в Болгарию, на фестиваль «Золотой Орфей»-74. Слово фея взмахнула палочкой... Он спел болгарскую песню «Мария», нашу, пахмутовскую «Ты — моя мелодия» и получил первую премию. Через месяц его послали в Польшу, в Сопот. Это был фестиваль, проводимый фирмами звукозаписи, а у него не было еще никаких записей — так быстро все произошло. В срочном порядке Захаров напел пластинку, «Сопот-74» закончился для него тоже полной победой.

Центральное телевидение приглашает его в следующее «Артлото», в октябрьский «Голубой огонек», Московский театр эстрады — на открытие концертного сезона.

В промежутке между фестивалями Ленинградское телевидение сделало о нем передачу: Сергей рассказывает о себе и, конечно, поет. Но прежде чем зазвучит его волнующий, глубокий голос, зритель видит его задорную, мальчишескую улыбку, шапку волос. «Если бы мне в десятом классе сказали, что я буду певцом, я не поверил бы», — неторопливо, раздумчиво начинает Захаров за кадром...

Однако, невзирая на искреннюю интонацию, он неточен. В десятом классе он не учился. И в девятом тоже. И вообще есть реальная, довольно неровная биография, а есть другая, полулегендарная — что-то приукрасить, о чем-то умолчать — биография «звезд», для публики. Но, право, не стоило бы вдаваться в подробности частной жизни артиста, если бы Сергей Захаров не представлял, на мой взгляд, явления, во многом показательного, наводящего на размышления, обществу далеко не безразличного.

Заметив мой пристальный интерес к его творчеству, разные люди пытались этот интерес как-то направить. Они делились на две группы, и вот вам их подлинные слова:

— Ой, только не надо его ругать! Он еще такой молодой — он сломается.

— Ой, только не надо его хвалить! Он еще такой молодой — он сломается.

Но ни ругать, ни хвалить я не собиралась и не собираюсь. А опасение насчет «сломается» могу понять: сколько уже имен вспыхивали вот так, вселяя надежды, вызывая восторги. И гасли.

Так вот о двух биографиях Сережи. Цитирую его интервью: «Я стал участником армейской самодеятельности, а после службы мне посоветовали ехать в Москву учиться. Я поступил в музыкальное училище имени Гнесиных, затем перешел в институт. На одном из отчетных концертов меня случайно услышал Леонид Осипович Утесов и пригласил к себе в

Государственный эстрадный оркестр РСФСР. С этим оркестром я выступал три месяца. Как раз в то время в Москву приехал на гастроли Ленинградский мюзик-холл. Я посмотрел программу «Нет тебя прекрасней» и на следующий день пошел к Илье Яковлевичу Рахлину... И дальше: «Для певца, который хочет расти актерски, рамки концерта в чистом виде слишком узки»... «Моя мечта — поступить в Ленинградскую консерваторию».

Все прекрасно. В действительности было так: после армии Сергей приехал в Москву и после первых же прослушиваний был принят в Гнесинское училище. Вот уж действительно открывались все пути. На первом же курсе училища стал по вечерам петь в ресторане «Арбат», о чем вспоминать сильно не любит. На том же первом году обучения он начал расходиться с руководителем кур-

тысяча четыреста концертов ежедневно по стране! Это общая цифра, эстрадные, конечно, составляют от нее только долю, но, думаю, львиную. У нас десятки крупнейших концертных залов. Прибавьте еще около пятидесяти дворцов спорта... Кто-то должен в них петь!

Но у медали две стороны. Обратная такая: огромная аудитория, стало быть, и огромная ответственность. Какие же цены существуют, чтобы получить право выходить к миллионам? Образовательные, моральные, общекультурные?

Пример Захарова нам и тут пригодится. Я побывала на первом в его жизни концерте, где он пел целое отделение. Подчеркну, впервые. В Ленинградском концертном зале. (С тех пор Сергей выступал тут неоднократно.)

Едва сказали: «солист Ле-

он как солиста мюзик-холла, — обратилась я к Рахлину. — Может быть, вы готовили его программу?

— Я отвечаю за то, что он делает у меня, — решительно заявил Рахлин. — Кто его приглашает, тот и отвечает.

В Ленконцерте не менее решительно сказали, что Захарова они не аттестовали, не просматривали и отвечать не могут.

Григорий Михайлович Пастернак, директор концертного зала, сказал, что певец должен проверять себя на публике, что новое имя всегда риск, но что тут им говорило само за себя, и вообще никогда не надо судить по первому выступлению.

— Но, поймите, я же не виноватых ищу. Я только считаю, что Сереже рано ни с кем не советоваться! Понимает ли он сам, что хорошо, что дурно?..

«ЗВЕЗДА» ЭСТРАДЫ

ОБ УСПЕХЕ ПОДЛИННОМ И МНИМОМ

са во взглядах на дисциплину, что и кончилось скандалом — Сергей не явился на экзамен и был отчислен.

Его педагог по вокалу Маргарита Осиповна Ланда, уже тогда считавшая, что Захаров — дарование незаурядное, кинулась его спасать. Так или иначе, Захаров на следующий год был принят на подготовительное отделение Гнесинского института, но и там пробыл чрезвычайно недолго. В это время его показывал Утесову, начиналась новая жизнь...

Ни в какую консерваторию Сережа не хочет. Что бы он там ни говорил. Сейчас Маргарита Осиповна всю хлопоту, чтобы его приняли обратно в институт, «будет сдавать экстерном или вернется в Москву, пойдет на вечернее», — в общем она полна планов, а Сережа что-то не спешит им навстречу.

Бросил училище, бросил институт, пел в ресторане... Ну что ж, если все эти поступки и не характеризуют его как человека, собирающегося заняться своей профессией всерьез, то, с другой стороны, и в особо дурном свете не показывают. Ведь не один он так делает. Образование на эстраде считается нелишним, но не обязательным. Но это разговор особый.

В оркестре Утесова Захаров был принят на ура. Солидный коллектив, возможность пройти настоящую школу мастерства прямо в процессе репетиций, выступлений. Почему же через три месяца уже другой адрес? «Мы не сработались», — хмуро бросает Сергей. — В Москве мне все только обещали...

Имеется в виду ставка, прописка, квартира. Все это он получил в Ленинграде. Потому и переехал. Опять-таки не поторопимся осуждать: в конце концов у Захарова, при его-то мальчишеской внешности, дочери шестой год, надо и о гнезде подумать. Отметим лишь сроки: всего три месяца ждал, а уже показалось — так и жизнь пройдет, ничего не дождешься. Нетерпеливое стремление иметь все как можно скорее, сейчас, пока молод, для любого коллектива находка...

Была я у него и в Ленинграде. Захаров и Рахлин ладят, друг друга ценят, у них не за горами юбилей — десять лет мюзик-холла, и эта дата для обоих много значит. Как бы то ни было, Захаров здесь уже второй год. Но... есть и «но». Согласно опять-таки официальной версии своей биографии, Сергей перешел в мюзик-холл, привлеченный прежде всего возможностью серьезной, планомерной работы. Но в этом плане он рассчитывал получить больше. А в мюзик-холле в принципе хотели бы иметь готового, чуткого и профессионально реагирующего на малейшие указания режиссера. Обычно же имеют совершенно сырое, более или менее выигрышный природный материал, который шлифовать да шлифовать. И есть вдобавок опасность: едва начнет что-то получаться, солист уже смотрит на сторону и уйдет при первой же возможности.

— Послушайте, — говорит мне Рахлин, — их же рвут на части. Спрос-то огромный. И они это прекрасно знают. Я могу им предложить работу, интерес чисто творческий, я их тут мучаю, ругаю, чего-то требую, а им только выйди за порог. Согласись сейчас тот же Захаров перейти в концертную организацию, да его с руками-ногами...

Итак, выходит, виноват «рынок» — чересчур огромен.

ленинградского мюзик-холла, лауреат международных конкурсов», зал взорвался аплодисментами. Сергей поблагодарил зрителей «за то, что пришли и, может быть, досидите до конца»... Вел свое отделение он сам. Открывала его выступление болгарская песня «Мария» — та, за которую он получил «Золотого Орфея». «Должен сразу вам сказать, — заметил Сережа, кокетливо улыбаясь, — что песня посвящается не какому-то конкретному лицу, и имя собственное может быть заменено любым именем: Катерина, Людмила — словом, именем любой девушки или женщины, сидящей здесь, в зале».

Песня, исполненная, сильно, страстно и, кстати, рассказывающая о любви к единственной, а не к любой, отзывалась. Поклон. Выход на авансцену навстречу девушкам, бегающим с цветами. Шутка:

— Наверное, Мария? Нет? (Заглядывает в записку в букете). Нет, к сожалению, не Мария. А другая — тоже нет? (Вслед этой, другой: девушка, вас как зовут? Люда? Значит, Мария пока не отважилась...) Ну, пойдем дальше.

Во время исполнения «Вдоль по Питерской» он-таки «пошел дальше»: на фразе «Ну, поцелуй ты меня», он приглашающе раскинул руки, сделал огромную паузу, а затем сострел: «Нет, сегодня, видно, никто не осмелится». Когда пел «Королеву» Подельского на слова Есенина, то в заключение «знаю, ждешь ты, королева, молодого короля» спел, поджавивая по лысине пианиста.

Цветы он принимал, принаженно улыбаясь, суется и все повторяя: «Честное слово, придется открывать цветочный магазин», так что на третьем повторе публика стала опасаться, что эта идея овладела певцом всерьез.

А пел-то он хорошо! Некоторые вещи — очень хорошо. Но программа была никак не выстроена, подбор случаен, много сырого, нелогичного, несделанного. Не было своего образа.

То вдруг выныривал галантно-галантерейный прикатчик: «Заходите еще, прошу. Следующие мои концерты — семнадцатого и двадцать второго»...

То спускался мягкой походкой в зал, с томно-бесмысленным взглядом прижимая микрофон к сердцу, кумир дешевого варьете, останавливался возле девушки в девятном ряду, пел, глядя в глаза: «Я вас люблю, я думаю о вас и повторяю в мыслях ваше имя». Девушка сидит красная, готовая провалиться сквозь землю, а остальная публика привстает с мест, чтобы разглядеть: чего это он там застрепал? Впечатление рвется, разменивается, удешевляется. И это — от благороднейшего «Возвращения к романсу»!

Вот такой был концерт. Перед его началом я спросила Захарова, кто был режиссером, редактором, советником, наконец. Он гордо сказал: «Никто!» Я не поверила. Я уже знала, что скромность его душит. (Но ведь опять-таки не его одного). Любит как бы между прочим упомянуть о только что купленной машине, о горах писем, сказать, что за рубежом называли его советским Хампердинком, что приглашали в Голливуд.

Но в данном случае Сережа, к сожалению, не хвастался. Действительно, за все, что происходило в концерте, не отвечал ни один человек.

— Сережу представляют

— Ну, он лауреат!..

Поговорили. Слава уже есть, а что певца еще нет, никого не тревожит. Ему бы еще только призадуматься, только бы проснуться в ночи от мучительного беспокойства, куда идти? что выбрать? что есть мой путь? А уж поздно, он уже весь на виду на публике, в графике концертов. Уже он запущен на орбиту, уже начался прокат. И мюзик-холл, и большой оркестр — все равно прокат, но там все же певца слегка придерживают от безоглядной эксплуатации природных данных и все же чему-то учат, тогда как на эстраде он предоставлен сам себе.

«Но ведь все же он победил в двух конкурсах! — воскликнет читатель. — И не сам он себя на них послал представлять наше искусство!»

Конечно, победа на международных конкурсах — это не шутка. Раньше я представляла себе выбор кандидатов как нечто ритуальное: верховные жрецы гадают, кого послать, трещащие претенденты не едят, не спят, готовятся к просмотрам и прослушиванию. (И это не одна фантазия, что-то похожее происходит при подготовке «серьезных» конкурсов: пианистов, артистов балета). Сергей Захаров в том же интервью «Ленинградскому рабочему» сообщает: «В этом году было 600 кандидатов на участие, отобрали 45 человек. Хотя мне и посчастливилось пройти этот конкурс, я очень волновался».

В Министерстве культуры СССР, в музыкальном управлении только руками развели, когда я это процитировала. Не было никаких «предварительных» и «отборочных», услышали Захарова в программе мюзик-холла, обрадовались: есть кого послать! Потому что бывает трудно найти! Это в нашем море эстрады!

Не хочу, чтобы за моими сердитыми строками забылось главное: Захаров очень одаренный человек. Но как же это получается, что талантливый человек вдруг остался один? По-хозяйски ли пускать «на самотек» его и других, не менее способных, но столь же неопытных?

У него нет репертуара, а есть вещи или случайные, или «с чужого плеча». Но он уже летит в «Красной стреле». Москва — Ленинград, туда и обратно. Еле успевает пройти с пианистом (тот не обязан, просто попросил попристальнее) новую песню. По три раза в неделю звучит в эфире.

А мне он вспоминается таким, каким я увидела его в гулких коридорах Останкинского телецентра. Целый день он слонялся в ожидании записи, а ему все говорили «сейчас, сейчас». И отойти, чтобы хоть отдохнуть, было нельзя, и переодеться вроде рано, и обратный билет на вечерний поезд уже лежал в кармане... Он то уносил в костюмерную, то приносил обратно свои вещички — модный чехол и термос с кофе, а его все не звали.

— Куда-то ушел... — он назвал фамилию знаменитого диктора. — А он так хорошо галстуки завязывает... — и похрюкивал капризно и обиженно.

Пошел дальше, волока чехол, незавязанный галстук свисал с плеча, и был Сережа в этот момент похож на заблудившегося мальчика, идущего куда глаза глядят...

Г. УЖОВА.